

Пирогов А.С.

Сто лет легендарному солисту Большого театра Александру Пирогову

ПОБЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Независимая газета, 1999, 28 июля, с. 7

Ирина Коткина

О ПЕРНАЯ карьера Александра Степановича Пирогова протекала в блистательную вокальную и страшную историческую эпоху 30–50-х. Народный артист СССР, ведущий бас Большого, он выступал на этой сцене в течение тридцати лет. Его жизнь с трудом укладывалась в официозные стереотипы. Дух бунтарства, быть может, слегка преувеличенный легендой, всегда сопутствовал его имени. Власть этой легенды Большой театр подчиняется и по сей день. В столице к вековому юбилею певца не было приурочено ни одного официального мероприятия. В Большом в память певца не было ни спектакля, ни даже простой афиши. Прижизненная слава Александра Пирогова прямо пропорциональна забвению, окружающему его имя сегодня. И, кажется, виной тому

и в спектакле Музыкальского театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Самуил Самосуд был одним из самых любимых дирижеров Александра Пирогова. В нем певец обнаруживал сходные со своими художественные пристрастия. Самосуд был последним дирижером Большого театра, верившим современности. Перевод Самосуда из Большого театра в МАЛЕГОТ лишил Александра Пирогова надежды на то, что в будущем ему удастся создать достойную роль в современном репертуаре, но обогатил искусство певца новой темой неустрашенного таланта, неистраченных возможностей, до того открыто не звучавшей на оперной сцене. И во всех классических ролях Александра Пирогова проступала эта несвоевременная, разбойничья тоска, берущая за душу, отчаянная, незаконная и очень русская.

Однако участь эпигона миновала Александра Пирогова. В отличие от старшего брата, оспаривавшего первенство Шаляпина на провинциальных сценах, младший Пирогов никому не противостоял. Он был оперным артистом совершенно нового типа, а потому сравнения с прошедшим не тревожили его. Пирогову в равной степени было дано живое ощущение истории и острое чувство современности. Свою художественную задачу он видел в том, чтобы ввести в исторический контекст современные оперы. Это призвание Александра Пирогова открылось еще в

и в спектакле Музыкальского театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Самуил Самосуд был одним из самых любимых дирижеров Александра Пирогова. В нем певец обнаруживал сходные со своими художественные пристрастия. Самосуд был последним дирижером Большого театра, верившим современности. Перевод Самосуда из Большого театра в МАЛЕГОТ лишил Александра Пирогова надежды на то, что в будущем ему удастся создать достойную роль в современном репертуаре, но обогатил искусство певца новой темой неустрашенного таланта, неистраченных возможностей, до того открыто не звучавшей на оперной сцене. И во всех классических ролях Александра Пирогова проступала эта несвоевременная, разбойничья тоска, берущая за душу, отчаянная, незаконная и очень русская.

Князь Галицкий в «Князе Игоре», Иван Грозный в «Пскове-

Александр Пирогов. Певец и рыболов. Фото из семейного архива.

все та же легенда, скрывающая подлинный образ этого артиста, легенда прежде популярная, а ныне безнадежно вышедшая из моды.

Крестьянскую семью, в которой пятеро братьев имели замечательные голоса и четверо пели профессионально, называли чудом природы. Театральные рецензенты в пении Пироговых традиционно искали разгадку загадочной русской души. Биографы с удовольствием отправляли по вымышленному пути — от сохи на оперную сцену — двух самых знаменитых Пироговых: старшего брата Григория и младшего Александра.

На самом деле искусство Александра Пирогова, выпускника училища при Московском филармоническом обществе (ныне РАТИ-ГИТИС), имевшего также диплом Московского университета, очень далеко от этих лубочных картинок. Напротив, для современного слушателя его пение — это живое свидетельство необыкновенно высокой культуры вокала и той яркой театральности, которая пришла в оперный театр в начале века. Историческая роль Александра Пирогова значительна. Благодаря ему и певцам его поколения Большой театр не утратил своих традиций даже в самые мрачные годы. Когда в 1924 году Пирогов перешел из Оперы Зимина в Большой, будущее этого театра еще не было определено. Время сделало Большой «театром при власти», поколение Александра Пирогова обеспечило Большому репутацию театра великих певцов. Именно артистам его эпохи суждено было отстоять у истории понятие «большого стиля», на которое в постреволюционные годы посягали многие, и наполнить его новым содержанием. Их пение противостояло натиску неодухотворенной мощи, оно придавало постановкам тех лет совершенно иной масштаб, определяемый не внешней помпезностью зрелища, но психологической глубиной трактовки оперных образов.

По всей видимости, Пирогов отлично осознавал свою историческую миссию, поэтому он ничего или почти ничего не боялся. Он поступил в Большой театр с тем же безрассудством, с каким после отказывался от выступлений на правительственных концертах.

Опере Зимина. Тайной амбицией этого театра в ту пору было делать классикой только что сочиненные советские оперы. Легко представить себе, какого отличного исполнителя эти произведения нашли в лице Александра Пирогова, одинаково хорошо владевшего вокальной интонацией, гением фразировки. Именно в этом секрет пироговского артистизма. Драматическая выразительность оперной речи диктовала Пирогову его экспрессивную сценическую манеру. В актерском облике Александра Пирогова оперная старина и оперная современность соединялись причудливым образом.

Свою жажду современности Пирогов стремился утолить не только в оперном, но и в камерном репертуаре. Однако лучше всего ему удавались русские песни. В них он и в самом деле трагивал струну современной лирики. В пении Пирогова не было той фальшивой широты и ухарской удачи, которая делает исполнение русских песен нестерпимо пошлым. Напротив, в русских песнях Пирогов пел о неизбежной тоске, об утраченной связи с природой, с родиной. Он подчеркивал не стихийность и разгул, а оторванность и заброшенность. Мотив сродни есенинскому звучал в пении Пирогова. Быть может, вовсе не случайно, что и поэт, и певец родились на Оке. Русские песни приоткрывают загадку вокального образа Пирогова, соединяющего лирическую утонченность мыслей и рафинированность чувств с подлинной мощью и широтой почти простонародной.

Конечно, Пирогов мечтал о новом репертуаре. В рамках классического ему было попросту тесно. Однако полностью реализовать себя на этом поприще Пирогову не удалось. Его артистический путь устан трупам мертворожденных произведений. Были на этом пути и немногочисленные, но несомненные удачи. Пирогов одним из первых открыл оперы Прокофьева. В 1927 году в первой постановке «Любовь к трем апельсинам» в Большом театре он пел партию мага Челия. В 1944-м — Кутузова в концертном исполнении оперы «Война и мир» под управлением Самосуда, а позже

«тянке» были лучшими образами Александра Пирогова. Иван Сусанин удавался ему хуже. Здесь Александру Пирогову не хватало вокальной мощи Максима Михайлова и самоуглубленности Марка Рейзена. Но в партии Мельника в опере Даргомыжского «Русалка» Пирогову не было равных. Этот Мельник был страшен и своей силой, и своим безумием. Сцену сумасшествия Пирогов проводил со старинным романтическим пылом. «Я впервые увидел, как мужчины в зале плакали», — написал о выступлении Пирогова один из современников. В Москве Пирогова любили по-мочаловски, широко трепетно. Иначе здесь и не умели любить театр.

И все же свою великую роль, роль Бориса Годунова в опере Мусоргского в легендарном спектакле Большого театра 1948 года, Александр Пирогов исполнил по законам не старинного, но современного театра.

Пирогову был ниспослан дар не одного лишь актерского, но и музыкального перевоплощения. Восприимчивая муза Александра Пирогова позволяла ему плодотворно сотрудничать со многими дирижерами. Работа над «Борисом Годуновым» с Николаем Годуновым обогатила палитру Пирогова ощущением контрастов в музыке. На необычных контрастах, драматических и музыкальных, Пирогов строил свой образ Бориса. Сохранившийся несовершенно снятый фильм все же позволяет нам судить об этой пироговской роли достаточно полно.

На экране певец непривычно сдержан. Его лаконичная пластика спорит с интенсивностью сценической речи. Можно сказать больше: жесты Пирогова историчны, а вокальная манера, острая, почти гротесковская, — непривычно современна. В этом образе Пирогова есть некая загадка. Певец не спорит с традицией, напротив, он привлекает на свою сторону всю историю оперного театра для того, чтобы самая главная тема оперы — тема осуждения злодейства — зазвучала по-новому, приобрела неожиданное и современное содержание. Странно подумать, какие невозможные темы затрагивал в своем пении Александр Пирогов, этот отчаянный артист, лучший Борис Годунов советского театра, победивший пением свое время.

13